

УДК 94(37).06(093.3)

Аппиан и Римская республика

А.И. ГАНЖУРОВ

Исследуется отношение Аппиана к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э., завершившимся установлением монархического режима принципата. Новизна темы характеризуется комплексным подходом к изучению «Римской истории» Аппиана в его отношении к гражданским войнам в Риме в I в. до н.э.

Ключевые слова: Аппиан, Римская республика, гражданские войны, религия, монархия, принципат, демократия, социальные стереотипы.

The attitude of Appian to civil wars in Rome in the I century B.C., which ended with the establishment of the monarchical regime of the Principate, is investigated. The novelty of the topic is characterized by a comprehensive approach to the study of «Roman history» by Appian in his attitude to the civil wars in Rome in the I century B.C.

Keywords: Appian, Roman Republic, civil wars, religion, monarchy, Principate, democracy, social stereotypes.

Аппиан родился в египетской Александрии между 90 и 100 гг. в местной аристократической семье греческого происхождения [1, с. 231], [2, с. 624], [3, с. 194], [4, с. 74], [5, с. 9], [6, с. 416]. Полученное им образование у александрийских риторов, их антиимперские памфлеты и первые проведенные исследования в местной библиотеке Мусейона [7, с. 74–75] привили Аппиану склонность пользоваться первоисточниками и критически их осмысливать [8, с. 196], [2, с. 632], [3, с. 196], [7, с. 84]. Аппиан жил в так называемый «золотой век» Римской империи времен «хороших императоров» от Нервы до Марка Аврелия, то есть в период относительной стабильности. Этот имперский период давал возможность относительно откровенно выражать свои мысли в литературных произведениях, что по свободе самовыражения приближало его к эпохе поздней республики [2, с. 636]. Взгляды Аппиана не расходятся с некоторыми независимыми воззрениями других его ярких современников, в частности Флора [7, с. 85], а также Лукиана Самосатского в области религии, философии и отношения к демократии. Смерть историка пришлась на время не ранее 70-х гг. II в. н.э. [3, с. 194], [4, с. 74], [5, с. 9].

Аппиан занимал высокие должности в городском управлении Александрии. Вероятно, при Адриане (117–138 гг.) Аппиану были дарованы права римского гражданства, при этом он был зачислен во всадническое сословие [3, с. 194]. Также известно о его жизни в Риме, где Аппиан был адвокатом. В дальнейшем он стал прокуратором в одной из провинций, чем очень гордился [3, с. 194], [2, с. 625], [5, с. 9]. В это же время (160–165 гг.), в уже пожилом возрасте Аппиан написал свой главный труд «Римская история» на греческом языке, который не успел довести до конца [6, с. 417], [3, с. 194], [2, с. 625], [5, с. 10].

Что касается религиозных воззрений Аппиана, то в интересующей нас проблеме оценки гражданских войн I века до н.э. этим историком, они занимают центральное место. Для Аппиана характерна демонстрация убежденности в ответственности богов за смену демократического устройства на монархическое. Он отмечал, что рождение мула, пожар Капитолийского храма летом 83 года до н.э. и обрушение других храмов было воспринято как предсказание ниспровержения существующего государственного строя Суллой [9, с. 352], [10, с. 691]. При переходе Цезаря через Рубикон и его приближении к Риму боги определились с окончательным уничтожением демократии и приходом монархии, послав знаки [9, с. 391]. При Фарсале, по мнению Аппиана, Помпей уступает сенату в проведении военной стратегии «поврежденный в разуме божеством и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны» [9, с. 406], его прельщает «божественное наваждение» из-за того, что «так распорядилось божество, чтобы установить ту власть (*принципат* – А.Г.), которая теперь охватывает

все» [9, с. 408]. Аппиан проявлял открытую симпатию к демократии своим описанием эпизода с вызовом сенатом из Этрурии гаруспиков. По прибытии гаруспиков «старейший из них сказал, что старинная власть (*монархия* – *А.Г.*) возвратится вновь и что все, кроме него одного, станут рабами, затем прикрыл рот и задержал дыхание, пока тут же не скончался» [9, с. 499]. Самоубийство священнослужителя, как последнего свободного человека ради желания умереть при демократии показывало, по замыслу Аппиана, связь государственного строя с волей богов, с одной стороны, и восхищение поступком гаруспика, с другой.

У Аппиана Брут и Кассий подвергаются «гневу божества, часто подававшего им об этом знамения» за «их грех в отношении Цезаря» [9, с. 558]. Октавиана «божество привело ... в Абальский залив», спасая жизнь будущего принцепса после проигранного им морского сражения [9, с. 610]. В конечном итоге, Октавиан, победивший всех, «первый стал в глазах римлян священным и получил от них еще при жизни прозвище Август» [9, с. 312].

Вероятно, наиболее наглядно отношение Аппиана к демократии проявляется через призму религии в диалоге республиканца Гая Кассия Лонгина с его греческим учителем философии из Родоса Архелаем [9, с. 527–529]. В доказательствах участников диалога достоинств демократии и необходимости ее совместной защиты от второго триумvirата Аппиан проводил через речь философа Архелая совет «в интересах римской республики, всегда и во всяком деле признавать вождями богов» [9, с. 528], давая понять, что только богам дано право определять победителя, и, таким образом, политическое устройство Римской республики. По всей видимости, Аппиан вкладывал в речь Архелая собственное видение религии по отношению к метаморфозам государственного устройства Рима. Отговаривая своего ученика нападать на Родос и город, давший Кассию образование, за союз с приверженцем Антония Долабеллой, Архелай подчеркивал свое уважение и приверженность демократическим свободам.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что Аппиан, будучи в целом эпикурейски настроенным мыслителем, придавал важнейшее значение в развитии государства и его формы правления сверхъестественным причинам. Именно этой причиной и обусловлено расположение Аппиана современному ему принципату. Он не пытался понять волю богов во введении монархического режима в государстве и слепо принимал ее, ставя на центральное место в своем мировоззрении и в описании гражданских войн. Превалирование у Аппиана расположения к монархии отмечено большинством исследователей, и это совершенно верно [11, с. 96], [2, с. 636–637], [3, с. 194], [7, с. 73], [5, с. 9], [12, с. 119]. Однако личные симпатии историка лежали в демократической плоскости, а неоднозначность и противоречивость его промонархической позиции также неоднократно отмечалась в исследовательской литературе с признанием высокой оценки Аппианом Брута и Кассия [3, с. 194], [12, с. 119]. Таким образом, симпатия к демократии у Аппиана скорее вызывает его сожаление о решении богов ее неприменимости в условиях империи.

Гражданские войны Аппиан считал самыми страшными для римлян [9, с. 12]. Он особенно отмечал факт пролития первой крови в противостоянии народа в лице трибунов и сената: «Тиберий Гракх, народный трибун, внесший свои законопроекты, первый погиб во время народного волнения», и «после этого гнусного дела волнения уже не прекращались, причем всякий раз враждующие партии открыто поднимались одна против другой. Часто пускались в ход кинжалы...» [9, с. 309], [13, р. 178]. А «Гракха погубил составленный им превосходный план, потому что Гракх для осуществления его прибег к насильственным мерам. Гнусное дело, случившееся в первый раз в народном собрании, потом неоднократно повторялось от времени до времени и применялось к другим подобным Гракху лицам. А из-за убийства Гракха Рим поделился надвое: одна часть печалилась, другая – радовалась. Одни сожалели о себе, сожалели о Гракхе, сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали кулачное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли выполнения всех своих желаний» [9, с. 318]. Аппиан считал законы Тиберия Гракха необходимыми для сохранения республиканского устройства с помощью боеспособной силы граждан-воинов [9, с. 314–315]. Аппиан особенно лоялен к Тиберию Гракху и в изложении хода дальнейших войн, педантично подчеркивал каждый случай первого убийства претора, консула, жреца и других магистратов с подробным описанием этих убийств. В результате

«стали образовываться уже олигархические правительства с руководителями партий во главе», ведущие друг с другом войну на уничтожение, а «на деле же против родины» [9, с. 310]. Из рациональных причин падения демократии именно факту непринятия земельных законов Гракха и первому физическому уничтожению политического противника, как важному прецеденту подражания в ведении политической борьбы, Аппиан отдавал главное значение.

В своем труде Аппиан многократно использовал понятие чаще материальной и реже политической выгоды для государства или отдельных лиц как рационального аргумента для обогащения от завоевания новых земель или принятия новых законов. Он не видел смысла завоевывать «варварские бедные народы, кои не могли бы принести им никакой выгоды», так как эти народы были убыточными и отсюда «они не будут полезны» [9, с. 8]. По этой причине римляне «по мудрому решению предпочитали сохранять уже приобретенное, чем распространять свою власть до бесконечности» [9, с. 8]. Здесь проявляется отсутствие личных милитаристских устремлений историка, что выступает противовесом латинским историкам периодов республики и принципата. Выгода государству усматривалась Аппианом законами Гракха, которые были «большой и существенной пользой», чтобы «в лице их (*бедных – А.Г.*) получить для государства боеспособную силу» [9, с. 315]. Личная выгода второго триумвирата заключалась, по мнению историка, в проскрипциях [9, с. 500, 511], так как деньги были «главным нервом войны» [9, с. 542].

Республиканский период Рима Аппиан характеризовал как «аристократический образ правления» [9, с. 7]. К 53 г. до н.э. уже «среди многих шла болтовня о том, что единственным спасением от теперешних зол была бы монархическая власть» [9, с. 382], а «затем Гай Цезарь ... сохранил внешнюю форму и имя Республики, но себя поставил монархом над всеми» [9, с. 7]. Что касается императоров, то, по мнению Аппиана, «на деле они во всем являются настоящими царями» [9, с. 7]. С момента завоевания Египта Октавианом «само государство римлян превратилось в монархию» [9, с. 12]. Подобные оценки в дальнейшем звучат у Аппиана неоднократно: «римляне ... снова испробовали царскую власть» [9, с. 360–361], «старинная (*царская – А.Г.*) власть возвратится вновь и ... все... станут рабами» [9, с. 499], «государство объединилось под монархической властью» [9, с. 312].

Самыми яркими впечатлениями от гражданских войн Аппиан делится, описывая проскрипции второго триумвирата. Под проскрипции попали близкие родственники триумвиров, их братья и дяди [9, с. 500]. Начались повальные попытки бегства проскрибированных из Рима, различные экзотические способы умерщвления, «произошла противоестественная перемена с сенаторами, консулами, преторами, трибунами, кандидатами на все эти магистратуры или состоявшими в этих должностях; теперь они бросались к ногам своих рабов с рыданиями, называли слугу спасителем и господином» [9, с. 503]. По словам Аппиана, «каждый становился предателем по отношению к своим домашним» [9, с. 504], [14, с. 202]. Вероятно, наиболее впечатляющим является рассказ о матери, отказавшейся от своего шестнадцатилетнего сына Атилия из-за угрозы смерти триумвирами укрывателям проскрибированных: юноша «отправился к матери. Когда же и та из страха его не приняла, он, не решившись просить милосердия у других после отказа матери, побежал на гору» [9, с. 511]. Позже от голода он попал в рабство, а оттуда сбежал к искавшим его с целью убийства центурионам, что они и осуществили. Обратные истории защиты родственниками друг друга у Аппиана редки.

По Аппиану Цицерон «бесспорно, ... казался спасителем гибнущего отечества. Когда Катон назвал его отцом отечества, народ приветствовал это криками. Некоторые полагают, что такое благоговение, начавшись с Цицерона, перешло на лучших из теперешних императоров» [9, с. 377]. При этом «тогда возникло своего рода единовластие демагога» [9, с. 506]. Также историк считал, что этот муж оказал отечеству «величайшие услуги во время своего консульства», а после смерти он подвергался глумлению [9, с. 507]. Однако Аппиан отмечал, что тот же Цицерон распускал клевету на первый триумvirат, обвиняя их в единодержавии [9, с. 380]. Вообще следует отметить, что Аппиан интересовался Цицероном и специально посещал виллу, на которой был убит знаменитый оратор, что обозначено им как печальное событие [9, с. 506]. Подобное поведение также выдает симпатии историка к демократиче-

скому прошлому. Звучат нотки сожаления и гордости в повествовании о самоубийстве морального авторитета и борца за республику Катона, а также отмечается доблестная смерть Гнея Помпея Младшего, Лабиена, самоубийства Луция Сципиона, Юбы, Петрея, Скапула и других республиканских полководцев, продолжавших борьбу с Цезарем [9, с. 420–424].

По сведениям Аппиана, уже к 53 г. до н.э. из-за анархии шли разговоры, вероятно среди сенаторов и всадников, что «единственным спасением от теперешних зол была бы монархическая власть», при этом указывалось на Помпея как человека сильного и милостивого, причем «было неважно, таков ли он или только таким казался» [9, с. 382]. В итоге сенат, «со страхом взирая на Помпея как на будущего диктатора», избрал его единственным консулом [9, с. 384]. По Аппиану, Помпей, будучи по силе подобен монарху, соперничая с Цезарем, считался демократическим правителем [9, с. 415]. Тем не менее, как замечал Аппиан, окружение Помпея позже считало, что в случае победы при Фарсале, он не отрекся бы от единовластия [9, с. 407]. А после победы, Цезарь все поражения своих врагов изобразил на различных статуях и картинах, за исключением «одного только Помпея, его одного Цезарь воздержался показать, так как его все еще оплакивали» [9, с. 422]. В самом Риме «было еще много таких, которые увлекались памятью о Помпее Великом и полны были обаяния славы этого человека» [9, с. 605]. В слова Брута и Кассия Аппианом вкладывалась оценка Помпея как самого демократического гражданина среди римлян [9, с. 440]. Но выше Аппианом было указано, что Помпей, неоднократно «поврежденный в разуме божеством», совершил ряд ошибок, приведших к поражению партии сената [9, с. 403, 406, 408].

Цезарь прямо охарактеризован Аппианом как тиран [9, с. 425], который в гражданскую войну «был вовлечен или из страха, как он сам говорил, или из жажды власти» [9, с. 447]. Вообще страх смерти у Цезаря неоднократно подчеркивался Аппианом [9, с. 386, 393, 423, 440]. Важным для Аппиана представлялось и указание на крайнюю бедность рода Цезаря, несмотря на знатность и знаменитость [9, с. 447]. Однако самой выразительной оценкой Цезаря Аппианом является характеристика действий Брута и Кассия, которые называются грехом против жреца и властителя, «равного которому не было, принесшего пользу и родине и власти более всех других» [9, с. 558]. Во введенном Аппианом рассказе о том, что перед битвой при Фарсале Помпей и Цезарь прослезились и преисполнились раскаянием перед беззаконием вовлечения множества граждан в кровопролитную битву [9, с. 411], просматривается явно воспитательная позиция историка для будущих поколений. Для самих римлян «не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии» [9, с. 397]. Аппиан также подчеркивал, что Цезарь совершал тяжкие и неподобающие поступки [9, с. 425], истреблял сенаторов [9, с. 421], от его действий погибло множество достойных граждан, и изгонялись народные трибуны из города без суда [9, с. 440–441].

Второму триумвирату Аппианом даются наиболее критические оценки, что неоднократно отмечалось исследователями [2, с. 637], [7, с. 84]. Антоний, Октавиан, Лепид обозначались тиранами [9, с. 596, 541, 575], которые ведут войны не ради пользы Рима, а в собственных интересах, желая произвести государственный переворот, чтобы уже более не возрождалась демократия [9, с. 566]. Тирания приписывается и Сексту Помпею за его открытое стремление вхождения в триумvirат [9, с. 596, 593]. Как и в случае с Цезарем, Аппиан неоднократно обращал внимание на страх смерти Октавиана, в том числе сразу после смерти Цезаря [9, с. 453, 454, 469, 491], [15, с. 136]. Договор второго триумvirата с Секстом Помпеем римляне, по словам Аппиана, считали появлением еще и четвертого тирана [9, с. 596], [16, с. 37]. Однако первые успехи и развившаяся на их фоне выраженная религиозная эйфория Секста [9, с. 605], привели его не к успеху, а к окончательному разгрому.

У Аппиана хорошо прослеживается эволюция преторианской гвардии императоров. Сулла после добровольного сложения власти отменяет ликторов для себя, оставляет своих телохранителей и свободно появляется среди толпы «один, лишь со своими друзьями» [9, с. 363]. При этом Аппианом подчеркивалось, что он не боялся «ни оставшихся в Риме (*его противников* – А.Г.), ни изгнанников, ни тех городов, которых он лишил цитаделей, стен, укреплений, денег и привилегий» [9, с. 363]. Цезарь по окончании гражданской войны уволил преторские когорты, которые охраняли его с начала войны «и появлялся в сопровождении одних лишь народных ликторов» [9, с. 424]. Вместе с тем, «он предложил своим друзьям охра-

нять его, так как он дал врагам, ищущим повод предпринять враждебные действия против него, прекрасную к тому возможность. Когда же друзья спросили его, не призвать ли опять испанские когорты для его охраны, он ответил: «Ничего нет хуже продолжительной охраны. Это примета того, кто находится в постоянном страхе» [9, с. 426]. Характерно, что при новом походе Брут и Кассий считали, что возле него будет большая военная охрана [9, с. 428]. Резюме Аппиана по этому вопросу: «Он (*Цезарь* – А.Г.) телохранителей не любил и довольствовался только общественными прислужниками» [9, с. 431]. Таким образом, Цезарь, не отказавшийся от пожизненной диктатуры по примеру Суллы, также сохранил отношение последнего к собственной охране, чем подал обратный пример действий будущим диктаторам своей смертью.

Аппиан обращал особое внимание на то, что на основании мирного договора триумвиров с Секстом Помпеем (39 г. до н.э.) было принято официальное решение через четыре года «возвратить управление государством народу» [9, с. 595]. В результате мирного договора много изгнанников, придерживавшихся демократических взглядов, стали возвращаться в Рим, и «возвращение стольких именитых людей, спасшихся вопреки ожиданиям, вызвало в толпе новую радость и всяческое ликование» [9, с. 595]. В том числе и по этой причине Октавиан был вынужден дважды посылать Мецената в Рим для подавления волнений, так как там оставалось много таких, которые увлекались памятью о республике [9, с. 605, 610]. Вообще о волнениях тех, «кто совершенно не признавал нового государственного строя», Аппианом сообщается неоднократно [9, с. 572]. Триумвиры, как подчеркивал историк, постоянно обещали вернуть реальную власть республиканским учреждениям [17, р. 248, 267], [18, р. 189]. И наконец, сам Октавиан, по Аппиану, обещал «вполне восстановить государственный строй после возвращения Антония из парфянского похода, ибо он был убежден, что и тот пожелает, с прекращением гражданских войн, сложить свою власть» [9, с. 618]. Именно, чтобы подтолкнуть Октавиана к выполнению этого обещания, его избирают пожизненным трибуном, «чтобы этой пожизненной властью побудить отказаться от прежней» [9, с. 618], [19, с. 280], [16, с. 43]. Здесь можно сделать заключение, что демократические настроения преобладали более в сенатской и всаднической среде, и, вполне вероятно, что Октавиан мог в зрелые годы размышлять о выполнении своих обещаний возвращения демократии, как об этом сообщал Светоний [20, с. 45].

Подводя итог, можно заключить, что Аппиан объяснял прежде всего религиозными причинами смену режима государственного устройства с демократического на монархический. Именно этой причиной и обусловлено расположение Аппиана современному ему принципату. Он не пытался понять волю богов в установлении монархического режима в империи и, слепо принимая ее, ставил на центральное место в своем описании гражданских войн. Симпатия к демократии лежит у Аппиана в области ярко выраженных личных предпочтений и, скорее, вызывает его сожаление о решении богов ее неприменимости в условиях империи, но однозначно не осуждение воли сверхъестественных сил. Для Аппиана гражданские войны являются самыми страшными для римлян. Из рациональных причин падения демократии главное значение он отдает фактам непринятия земельных законов Гракха для сохранения связи граждан – воин и пролития первой крови в противостоянии римлян в лице трибунов и сената. Подчеркивается им первое убийство трибуна в лице Тиберия Гракха и в дальнейшем уделяется пристальное внимание первичности убийств других магистратов и жрецов. В подборке исторических данных просматривается симпатия не столько к Гракхам и другим трибунам, сколько к самому институту народного трибуната и соответственно к демократии. Аппиану характерен акцент на выгодность тех или иных действий или приобретений для государства или нобилей. Он выделял выгодность завоевания одних земель и невыгодность завоевания других. Аппианом отводилась выгода и деньгам вторая по значимости рациональная причина падения демократии, являющимися, по его меткому выражению, «главным нервом войны».

У Аппиана заметно отсутствие милитаристских устремлений, что выступает противоречием к латинским историкам италийского происхождения. Императоры обозначались Аппианом «настоящими царями», а само государство является монархией. Цезарю, второму триумвирату, Сексту Помпею и периоду владычества трибунов приписывается тирания. Аппиан интересовался Цицероном, положительно отзывался о нем и специально посещал вил-

ду, на которой был убит знаменитый оратор, что обозначено им как печальное событие. Само подобное поведение также выдает симпатии историка к демократическому прошлому. В оценках мотивов Цезаря и Октавиана Аппиан неоднократно указывал на их страх смерти как причину вовлечения в гражданские войны и принятие ими власти. Самой же выразительной оценкой Цезаря является определение действий Брута и Кассия против Цезаря, которые называются грехом против жреца и властителя, «равного которому не было, принесшего пользу и родине и власти более всех других». Аппиан прослеживал эволюцию преторианской гвардии императоров. Сулла и Цезарь еще сохраняли республиканские традиции в этом отношении, что говорит о силе республиканских социальных стереотипов. Аппиану принадлежат самые яркие и подробные страницы описания трагичности проскрипций. Существенным для Аппиана представлялось невыполнение официальных решений и обещаний второго триумвирата о возвращении государственного устройства к демократии.

Литература

1. Ковалев, С.И. История Рима / С.И. Ковалев. – СПб. : Полигон, 2002. – 864 с.
2. Маяк, И.Л. Аппиан и его «Римская история» / И.Л. Маяк // Аппиан Александрийский. Римская история. – М. : Наука, 1998. – С. 624–638.
3. Соболевский, С.И. Научная проза I–III вв. н. э. / С.И. Соболевский // История греческой литературы. – М. : АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 187–208.
4. Бокщанин, А.Г. Источниковедение древнего Рима / А.Г. Бокщанин. – М. : МГУ, 1981. – 160 с.
5. Жебелев, С.А. Аппиан и его «Гражданские войны» / С.А. Жебелев // Аппиан. Римские войны. – СПб. : Алетейя, 1994. – С. 9–14.
6. Лукомский, Л.Ю. Римская история Аппиана / Л.Ю. Лукомский // Аппиан. Римские войны. – СПб. : Алетейя, 1994. – С. 413–428.
7. Хан, И. Аппиан и Александрия / И. Хан // Вестник древней истории. – 1968. – № 1. – С. 72–85.
8. Короленков, А.В. Аппиан и Серторий / А.В. Короленков // Античность: общество и идеи. – Казань : 2001. – С. 193–199.
9. Александрийский, Аппиан. Римская история / Аппиан Александрийский. – М. : Наука, 1998. – 726 с.
10. Балахванцев, А.С. Комментарии / А.С. Балахванцев // Аппиан Александрийский. Римская история. – М. : Наука, 1998. – С. 639–708.
11. Гаспаров, М.Л. Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V вв. / М.Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1964. – 415 с.
12. Машкин, Н.А. Принципат Августа / Н.А. Машкин. – М–Л. : АН СССР, 1949. – 688 с.
13. Wiseman, T.P. The ethics of murder / T.P. Wiseman // Idem. Remembering the Roman People. Essays on Late Republican Politics and Literature. – Oxf. : 2009. – P. 177–210.
14. Короленков, А.В. Caedes Mariana и tabulae Sullanae: террор в Риме в 88–81 гг. до н.э. / А.В. Короленков // Вестник древней истории. – 2012. – № 1. – С. 195–211.
15. Борухович, В.Г. После мартовских ид 44 г. до н. э. / В.Г. Борухович // Античный мир и археология. – Саратов : 1983. – Вып. 5. – С. 123–154.
16. Токарев, А.Н. К вопросу о трансформации политики Октавиана в сфере идеологии в 36 г. до н.э. / А.Н. Токарев // Иресиона. Античный мир и его наследие. К 130-летию Белгородского государственного университета. К 20-летию кафедры всеобщей истории БелГУ. – Белгород : 2006. – Вып. 3. – С. 36–46.
17. Millar, F. Rome, the Greek World and the East / F. Millar // The Roman Republic and the Augustan Revolution. – Chapel Hill and London : The University of North Carolina Press, 2002. – Vol. I. – P. 241–270.
18. Rich, J.W. Leges et Iura P.R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. / J.W. Rich, J.H.C. Williams // The Numismatic Chronicle. – 1999. – Vol. 159. – P. 169–213.
19. Егоров, А.Б. Добродетели щита Августа / А.Б. Егоров // Античный мир. Проблемы истории и культуры. – СПб. : 1998. – С. 280–293.
20. Гай, Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл. – М. : Наука, 1993. – 368 с.